

ФГОС старшей ступени как средство государственной политики в создании новой России

45

От нового (второго) поколения федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) общего образования зависит гораздо больше, чем об этом думают в обществе, во власти и даже в образовательном сообществе. Постсоветская школа, унаследовавшая все черты советской школы (кроме ритуалов октябрят-пионеров-комсомольцев), да еще и ослабленная уходом из нее многих лучших кадров, все последние годы демонстрирует постоянное ухудшение качества, получает все более низкие оценки населения в регулярных социологических опросах. Международные мониторинги раз за разом выносят жесточайший приговор средней ступени: будущи первыми в мире после начальной школы, наши дети выходят из IX класса буквально «опущенными», попав уже в пятый десяток в мировом рейтинге (!)¹.

Сегодня у общества есть всеобщее ощущение глубокой тревоги в отношении нашей школы но, будучи в «догражданском» состоянии, оно не в состоянии кристаллизовать эту тревогу в понимание хотя бы примерного выхода из продолжающегося падения. Оно связывает это падение не с тем, что советский «всеобуч» – это вчерашний день, а с тем, что что-то разладилось в механизмах советской школы и его нужно просто восстановить. Большинство населения старших поколений по-

прежнему считают эту школу лучшей в мире. Увы, наше общество доверчиво относится к этому мнению, особенно когда слышит от авторитетных (но весьма далеких от школьных дел) людей хвалу «лучшей в мире школе». Мнение не очень многих профессионалов при этом игнорируется.

Советская школа – это устная трансляция информации от учителя к ученику. Гарантирует ли такой способ понимание и освоение новой информации, т.е. превращение ее в знание? Упомянутые международные мониторинги убедительно дают отрицательный ответ. Вся наблюдавшаяся десятилетиями практика вхождения детей в V класс показывала постоянное снижение понимания и освоения детьми транслируемой информации, что, однако, оставалось не замеченным ни родителями, ни (сознательно?) самой школой. Удручающими результатами международных мониторингов общество не интересовалось. Казалось бы, эти результаты должны были вызвать усиленную рефлексию у руководителей страны, но и они (невольнo?) участвовали в этом «заговоре умолчания».

Устная трансляция информации, вчера имевшая хотя бы относительный смысл из-за ограниченности домашних библиотек, сегодня потеряла смысл (библиотеки во многом тоже) из-за появления Интернета, открывшего доступ почти ко всей информации, имеющейся у человечества. Она превратилась не просто в потерю времени (ученика), но и в канонизированный метод параобучения,

об авторе

Л.Л. Любимов, заместитель научного руководителя Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, доктор экономических наук, профессор

¹ В 2000 г. Россия в мониторингах 15-летних школьников занимала 27–29-е места, в 2003 г. – 32–34-е, в 2006 г. – 37–40-е, а в 2009 г. – 41–43-е (вместе с Турцией и ОАЭ).

в стереотип, разрушить который чрезвычайно трудно. Этот метод, который власти в сфере образования считают нормой и поощряют в его фактически лекционных по форме исполнениях, доминирует в наших школах. Справедливо считается, что им может овладеть каждый, поскольку пользующийся им никогда не выходит за пределы достигнутого в прежние века. Поэтому, видимо, наши учителя легко взаимозаменяемы.

Проект ФГОС старшей ступени, который создан коллективом во главе с А.М. Кондаковым, предлагает деятельностную парадигму. Ее суть – творчество учителя и ученика (со-творчество). Не ребенок слушает, а его слушают и слышат. Не ему диктуют, а он сам пишет. Не «говорящая голова» учителя, а диалоги в классе всех участников обучения. Диалоги – метод трансляции культуры, взаимодействия и взаимообогащения культурных субъектов. В ходе диалогов чужой опыт воспринимается, оценивается, адаптируется и присваивается ребенком, интериоризируется в нем. В этих диалогических процессах присвоений происходит рост и усложнение культуры школьника, который постоянно выходит за пределы своего наличного культурного потенциала, приращивая его. Напротив, в нашем массовом «всеобуче» обучение все время находится внутри замкнутого культурно-содержательного пространства, ограниченного монологами учителя и заданным параграфом с определенным кем-то минимумом содержания.

Деятельностная школа – пространство свободы содержания образования. Кстати, проект ФГОС дает школе значительную свободу выхода за содержательный минимум, поощряя детей к самостоятельному поиску информации, к наделению ее собственными смыслами, адаптируя ее к решению конкретной учебной задачи. Ведь стандарт предлагает обществу оценивать школьные усилия не по мониторингу процесса, а конечному результату: выпускник (школы, класса) должен знать то-то, уметь то-то, владеть такими-то компетенциями. Поэтому в нем предусмотрена значительная свобода выбора для всех акторов школьной образовательной системы.

Ученик свободно выбирает свой индивидуальный базисный учебный план (БУП), команды ad hoc, в которых будет

действовать, индивидуальный проект, профильные или базовые уровни, содержательные компоненты. Учитель выбирает (скорее даже, ищет, творит, создает) собственные технологии обучения, позволяющие получить задаваемый стандартом тройной результат. Перед школьными администраторами стоит необходимость создавать внутренние организационные и социальные условия функционирования школы с учетом ограниченных ресурсов и помнить об уровне качества как условия объема получаемых ресурсов. Чиновники системы освобождаются от бессмысленного мониторинга процесса, стандарт понуждает их искать, находить, эффективно распределять все еще скудные ресурсы, благодаря которым создаются условия деятельности школы. Стандарт задает всем планку профессионального творчества и поиска собственных наилучших практик. Поиск и выбор, перебор вариантов с целью найти наилучший – одна из задач, которые стандарт ставит перед всеми. Он как бы выводит всех действующих лиц школы «из-под колокола» в открытое пространство творчества и предупреждает об ответственности за результат. Тем самым он всем им предлагает действовать не по заданному сверху плану, а по плану, сформулированному как политика каждого из них.

Проблематика выбора, отсутствующая в обезличенной заданности советского «всеобуча», создает много обучающих перспектив. Выбор – это собственное решение ребенка, его самоосуществление. Это событие, ведущее к тому, чтобы случилось главное предназначение человека – осуществиться, исполниться, стать, сбыться. Конечно, это всего лишь один «вид» таких событий, но в деятельностной школе таких «видов» немало. Выбор почти всегда реализуется на пределе задач, которые ученик сам себе ставит. Это самопринятие решений – одна из основ будущей гражданственности. Для формирования у школьника «потребности в образовании», т.е. умения учиться самому, свобода выбора дает сильный психолого-мотивационный толчок. Его усиливает и свобода самому набирать через активный поиск информации ее внепрограммные компоненты, индивидуализируя и углубляя знаниевое поле своих предпочтений. Если поиск, отбор и выбор школьником информационных

единиц – это конструирование школьником «своего» учебного знания, то «набирание» внепрограммных единиц – это конструирование «своего» знаниевого поля и его быстрое разрастание.

Стандарт вводит понятие универсальных учебных действий (умений). Думается, что это сужает фактические смыслы того, что имеют в виду авторы. Речь по существу идет о компетенциях, которые, укрепляясь в практическом опыте школьника, становятся пожизненными компетенциями, а часть из них, носящих, как и культура, всеобщий характер, даже ценностными ориентациями. Уже говорилось, что деятельность школы стимулирует самостоятельную письменную речь (не диктантами и не изложениями). Учитель деятельностной школы должен максимально поощрять такую речь, ибо ее значимость очень высока, особенно для будущего «качества населения». Письменная речь – внешний образ самого автора, неизбежно вызывающий его (школьника) критическую рефлексию. Рефлексивность у россиянина (бывшего нашего общинного крестьянина) – традиционно больное место (Н.А. Бердяев и другие), ослабляющее, даже обнуляющее медиационную способность населения, которая чрезвычайно важна для процесса усложнения национальной культуры. В этом плане формирование активной рефлексии – это формирование важнейшей ценностной ориентации, а в сменах поколений – важнейшего национального механизма усвоения новых культурных феноменов.

Таким образом, письменная речь – и способ развития мышления, и способ «инсталляции» механизма рефлексии. Думается, что это в высшей степени важный фактор для самой стратегии государственной политики, если она действительно реально нацелена на заявленный комплекс модернизаций. Ведь отмеченное выше «низведение» десятилетних школьников с первого места в мире после средней ступени до 43-го места в дальнейшем мало чем может быть компенсировано. И с этим местом, которое и будут занимать в мире последующие поколения россиян, мы думаем в стратегической перспективе удержат

ся в группе БРИКС² (Китай – Шанхай, Макао, Гонконг – уже на 1, 3 и 18-м местах), не говоря уже о странах группы ОЭСР³? А что, собственно говоря, делается для того, чтобы мы перестали опускаться в этом рейтинге для 15-летних школьников? Россия входит в «Группу восьми» (США, Германия, Россия, Франция, Англия, Италия, Канада, Япония) и в «Группу двадцати» (помимо стран – членов «Группы восьми» включает 12 наиболее влиятельных развивающихся стран, таких как Китай, Бразилия, Индия, Пакистан и др.) главных стран, а будущий народ России – уже 43-й, и дальше будет 45-й, 50-й и т.д. (!)

Формирование рефлексии в обсуждаемом стандарте имеет параллельного «партнера» – формирование диалогического школьного пространства, в котором взращиваются будущие «немонологичные» поколения. Монологизм – еще одно исторически больное место россиян (вновь вспомним Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, А.С. Ахиезера и других) наряду с не менее традиционным манихейством, т.е. «двухцветным» восприятием любого культурного феномена – либо «плюс», либо «минус», без «середины». В советские времена была успешно осуществлена социальная атомизация нашего населения, а после 1991 г. она еще усилилась. В 2009 г. в своем обращении «Россия, вперед!» Д.А. Медведев весьма смело поставил проблему многих отнюдь не лучших свойств нашего народа, отметив заодно, что модернизацию нужно начинать с «изменения самих себя». Мне уже приходилось писать о том, что эту важнейшую (нет важнее ее) мысль сразу же «потеряли» все – политики, эксперты, СМИ, хотя по всем остальным аспектам идей модернизации поспорили и продолжают спорить по полной программе. Хочу подчеркнуть, что видимое единицам, но главное в обсуждаемом проекте ФГОС – формирование личности, т.е. в конечном счете формирование поколений, которые будут наконец соответствовать духу и букве Конституции России, ее принципам демократии, гражданского общества, правового государства и т.д.

Формирование универсальных умений – это не только лингвистическая

² Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика – особая группа быстро развивающихся стран.

³ Организация экономического сотрудничества и развития – группа наиболее развитых стран мира, основана в 1961 г., насчитывает 29 стран, штаб-квартира в Париже.

(иностранный язык) или счетная компетенция. Это умение работать в команде, со-знание Другого, со-знание единства Я и Мы, Я и Они, Я и Ты, понимание значения единой государственности, гражданственности (быть со-гражданами) и лояльности. Однако для этого сначала должно быть воспитано Я ребенка, его самость, его способность (универсальная) отвечать за себя, поставлена цель сбыться, осуществиться. Бессмысленно представлять себе формирование этих свойств «отдельно» от духовно-нравственного воспитания: достойное поведение, эмпатический, «культурный» слух, следование общечеловеческим ценностям, социальную солидарность и справедливость не вырастишь в том, кто не присутствует «на агоре», в ком нет самодетерминации – тех самых «универсальных действий и свойств», в атоме, существующем вне Мы, вне общества.

Интересно отметить, что идея универсальных умений не вызвала в СМИ и в самом образовательном сообществе сколько-нибудь заметной критики. Зато критическая буря разразилась, как только появились слова «духовно-нравственное воспитание». Для лукавого оправдания этой бури критики ввели фигуру человека в рясе, зная заранее, что авторы проекта стандарта этой фигуры вообще не имели в виду, тем более без аналогичных фигур других конфессий, да и то исключительно на усмотрение общества, а не нечто обязательное. Есть теснейшая корреляция между бурной реакцией значительной части населения на проект «десталинизации» и такой же реакцией на актуализацию «духовно-нравственной» идеи в школьном стандарте. Это реакция одной и той же массы, которая и знает, и чувствует свою безнравственную связь с «тем временем», свою прямую или межпоколенческую ответственность за распятую в XX в. Россию. Данный стандарт нужен России уже потому, что он оказался «на мушке» у этой толпы, боящейся покаяться и очищения, неизбежных при победе «духовно-нравственного».

Следуя принципам отечественной образовательной психологии, а также достижениям ведущих в общем образовании стран, авторы стандарта ввели в БУП старшей ступени новую «институцию» – индивидуальный проект. Наши массовые учительское и директорское сообщест-

ва, плохо знакомые с достижениями как отечественной науки, так и зарубежной, восприняли эту «институцию» индифферентно. Между тем она уже давно неплохо действует в нескольких сотнях школ (а в еще большем числе школ имитируется). Однако все это – чьи-то личные инициативы, несущие разные смыслы и имеющие различные формы. В проекте ФГОС индивидуальный проект – это обязательное проектирование и самостоятельное осуществление школьником некоего социального события (его экзистенциальное переживание и проживание) или практико-аналитического сочинения, которые должны иметь социализирующий контекст, позволяющий судить о степени гражданской зрелости школьника.

Как правило, индивидуальные проекты посвящаются поставленной самим учащимся социальной цели (достаточно долгосрочной, осуществляемой не менее года) – помощи сироте, инвалиду, ветеранам, пенсионерам – либо проектному участию в решении общественно и социально значимых проблем местного (локального) сообщества. Международный опыт однозначно показывает, что индивидуальный проект является серьезным социальным и интеллектуальным испытанием для старшеклассника, мобилизует весь его знаниевый и духовный потенциал. Такой проект – конкретный опыт создания учащимся собственной социальной связи (клеточки общественных отношений) и собственного культурного феномена, которые защищаются публично, вызывая множественную рефлексию класса, серию диалогов с автором. Следует добавить, что индивидуальное проектирование можно начинать не только в старшей ступени школы, но и раньше (но именно как индивидуальное, а не фронтальное задание).

Теперь об особенностях обсуждаемого проекта, которые вызвали особые споры. Первая из них – ограничение числа обязательных предметов (сокращение более чем вдвое). То, что программное содержание старшей ступени многократно «плотнее» в каждом предмете, чем несколько поколений назад, известно любому. Едва ли не каждый предмет старшей школы содержательно почти копирует то, что изучается на I курсе университета. Это «достижение» последних десятилетий – результат соавторского

(учительско-профессорского) предметного эгоцентризма при участии (зачастую) сотрудников РАН. В принципе едва ли не каждая существующая предметная программа – это профильное и даже профессиональное, а не общее образование (vocational, а не general). Это по сути вводные курсы бакалаврских программ. С точки зрения элементарной гигиены умственного труда они просто не усваиваемы («нельзя объять необъятное»). Между тем из пятилетки в пятилетку они прирастают, как снежный ком, поскольку прирастает человеческое знание.

Что сделали авторы? Они оставили «общее» образование «обо всем» основной школе, а предметам старшей ступени придали два уровня: 1) базовый – для закрепления «общего»; 2) профильный – для продвижения к предпрофильному университетскому уровню индивидуального выбора школьника. Лично я считаю, что уже лишней является указанная идея закрепления (таковой ее считают и в странах, лидирующих в общем образовании). Однако отказ от этой идеи неминуемо приведет к «восстанию предметников» и к лукавым реверансам в их сторону всей элиты, нуждающейся в голосах электората (и не очень заботящейся о качестве образования). Собственно, на этом взаимном лукавстве на 50% построена вся кампания против данного проекта. А жизнь идет своим чередом: «родитель мыслящий» из старшей ступени школы с ее 20 предметами уводит ребенка в экстернат, где тот сосредоточивается только на наборе из 3–4 предметов, необходимых для поступления в избранный университет. Продвинутый родитель и ребенок делают свой выбор, хотя и в очевидный ущерб «общему образованию», искажая саму его идею. А родитель неподвижный гнобит свое дитя по 18 часов в сутки, губя его здоровье.

10 обязательных единиц БУПа (шесть из каждой предметной области, плюс один дополнительный, плюс ОБЖ, физкультура и «Россия в мире») – это уже компромисс: между нашей школой и школой ведущих зарубежных стран. А компромисс с нашими предметными сообществами – это в любом случае те же 20 (!) предметов. Кто-то должен уступить. 999 предметников из 1000 считают, что уступать должны школьник и его здоровье. В этом критическом вопросе,

когда массовый родитель молчит, именно политики должны сказать мудрое слово (принять решение), а не устраивать популистский фарс с обсуждениями.

Примитивной иронии вплоть до ерничества подверглись со стороны критиков стандарта физкультура, ОБЖ и «Россия в мире» как якобы единственные обязательные предметы. Все три предмета (без всяких кавычек) пришли из политики: политики в области здоровья, политики в области безопасности населения и политики в области воспитания гражданственности и обучения основам общеполитической грамотности. Это весомый аргумент в пользу их сохранения. Мое личное отношение к ним – за сохранение. Да, ОБЖ и физкультуру часто преподают неважно, есть острый дефицит кадров, спортзалов, оборудования и т.д. А другие предметы преподают и обеспечивают (скажем, физику или химию) идеально? И что тогда делать? Думается, что делать нужно по всем предметам одно и то же: повышать качество, улучшать условия (кстати, как раз в соответствии со стандартом). Японская катастрофа марта 2011 г. еще раз указала нам на роль правильного и обязательного обучения ОБЖ.

Предмет «Россия в мире» появился в БУПе проекта стандарта в связи с предшествующим успешным экспериментом по апробации двух учебников (для X и XI классов) профессоров Л.В. Полякова и Л.Г. Ионина, посвященных теме «Человек и мир». В отличие от учебников по обществознанию, безуспешно «склеивающих» пять различных наук, у этих авторов получилась очень цельная предметная конструкция, вызвавшая большой интерес и энтузиазм у сотен учителей и десятков тысяч школьников. В центре этой конструкции – человек (в обществе, в политике, в экономике, в социуме, в государстве, в культуре, в познавательной деятельности). Теперь в центр этих же проблем, на глобальном уровне, предлагается поставить Россию с ее многонациональным и многоконфессиональным народом как единую национально-государственную часть глобального мира и через ее место в этом мире (нынешнее и будущее) предоставить школьнику знание о тех единых для всех народов России задачах и ролях нашей страны, которые им вместе, совокупно нужно будет решать и играть.

Формирование общероссийской (в отличие от этнической) идентичности как общенациональной на основе общих глобальных задач, интересов и ролей всех этносов, живущих в России, – это новый подход к консолидации разных этносов в единых государственности, экономике, политике, в общих стратегических и иных задачах. Он может успешно предшествовать постепенному появлению новой российской национальной идентичности уже на основе «обычных» единых ценностей, духовной культуре, формируемой во многом как раз на идеях нового стандарта. Предмет «Россия в мире» важен именно в качестве знаниевой и деятельностной базы воспитания в молодых поколениях национального идентификационного и политического самосознания. Этот предмет будет нести свою функцию, воспитывая в юношестве понимание места России во внешнем цивилизационном и поликультурном пространстве. Конечно, он должен иметь в БУПе и технологиях, применяемых в старшей школе, мощные гуманитарные параллели, которые могли бы начать конструирование российской идентичности в качестве культурной целостности. Как это делать – отдельный разговор, который пока выходит за пределы обсуждаемого проекта стандарта и прямо входит в сферу тех аспектов государственной образовательной политики, которая должна оснастить этот стандарт, провести его успешную имплементацию необходимыми дополнениями (комплементами). Но об этом позже.

По основным «сквозным» линиям проект стандарта старшей ступени ничем не отличается от принятых и уже действующих во многих школах стандартов начальной и средней ступеней. Общество приняло их «по умолчанию», образовательное сообщество – тоже. Что же случилось с обществом и образовательным сообществом, когда они увидели старшую ступень? Да ничего особенного. Все как всегда. Сначала девочки и мальчики, работающие в наших СМИ, не разобравшись и не прочтя внимательно несколько десятков страниц, закричали: «Ах! Ой! В школе обязательными будут только физкультура, ОБЖ и “поповщина”!» И тут поднялись все (!), как при монетизации льгот, и началась истерика. А потом пара десятков профессионалов, начиная

с А.А. Фурсенко, стали вразумительно объяснять и разъяснять.

Однако дело не только в СМИ, но и в родителях. Многие из них «вкладываются» в детей на начальной ступени, потом расслабляются и воспринимают основную школу (V–IX классы) как «камеру хранения» их детей, а к моменту перехода их ребенка в старшие классы просыпаются и обнаруживают, что через два года его нужно куда-то пристраивать. И вдруг из СМИ выясняется, что пристроить его никуда нельзя – только с физкультурой и ОБЖ ни один вуз не примет. Прочтя об этом в СМИ, родители сразу же расширили блогосферу до размеров Вселенной, разожгли блогопожар почище прошлогоднего летнего. К этому кострищу тут же ринулись погреться жириновские, КПРФ и т.д. Засуетилась давно ничего не строящая РАО, пытаясь за чужой счет поправить свои делишки.

Все это, по-моему, говорит об одном и том же: нужно немедленно принимать данный проект стандарта. Если его удастся освоить хотя бы наполовину, мы через N лет будем иметь другие СМИ, другую элиту, другое – продвинутое – население. Мы сохраним страну, в которой сегодня государство объединяет территории, а не людей, живущих на них [1, с. 4]. Стандарт образования – это инструмент не только образования, но и *политики*, если хотите, это инструмент стратегии государственного развития. Это не только «правила игры» (каковыми является любой государственный институт), это то, что требуют от школы, сознавая, что школа – единственный государственный институт, через который проходят все будущие граждане. Для большинства из них школа – единственный «тигель», в котором можно «выплавить» то, что философы называют «историческим человеком». Сегодня этот «тигель» плавит выпускника, знания которого давно ниже посредственного уровня, а духовная составляющая заполнена примитивным утилитаризмом: его идеалы связаны не с добром, истиной, красотой, Отечеством, а скорее с атрибутами дешевой успешности – зарплатой в «две штуки зеленых», иномаркой, еще чем-то гедонистским в обмен на «присутствие в присутствии» (офисе).

Модернизация – событие очень серьезное и очень долгосрочное. С таким вы-

пусником ему не осуществиться никогда. Стандарт как политика – это создание иного «тигля» (не «всеобуча» – лучшего в мире), в котором мы сможем создавать народ с высокой производительностью, с развитым главным средством производства – мышлением, создающим бесчисленные знаниевые приращения в отношении экономики и общества, с верой в себя, свои силы, свою судьбу и в «родное пепелище». Замена этого проекта на компромисс между ним и тем, что впопыхах наваяли в РАО, – это «по-нашему». Ведь в истории России назревшие реформы всегда попадали в руки ее врагов.

Теперь о комплементах (дополнениях). Политика – это цели, достижение которых обеспечивается целым набором мер и механизмов; стандарт – лишь один из них. Для его успешной имплементации нужно многое. Во-первых, нужны другие учителя, другие школьные администраторы, другие образовательные чиновники. Где их взять? Ясно, что придется обойтись без «импорта». Проект стандарта – это замена самой парадигмы, т.е. революция, градуально растянутая на эволюционные 10 лет. Нужна программа массового переобучения всего образовательного общества. Чиновник, если он «не в материале» по новой парадигме, не будет выполнять стандарт и все остальное. Так же и директор с завучами. А учитель «один на один» с ними останется все той же жертвой проверок «поурочных планов» и т.д. То, что нужен иной учитель, в Минобрнауки прекрасно понимают, но здесь нужны серьезные ресурсы на эту отнюдь не краткосрочную (а возможно, и вообще постоянную, «в течение всей жизни» общества) программу. Это уже дело не отраслевой, а большой политики, – в сто раз более важное, чем мировой футбольный чемпионат, если, конечно, идеи модернизации – не риторика, не симулякр.

Рискну сказать, что утверждение о наличии у нас гуманитарного образования – явно лукавое. Его у нас нет уже, по крайней мере, целое столетие. Нет гуманитарной науки, ее (только нарождающуюся и успешную в Серебряный век пышно зацвести) «товарищи» добились окончательно в 1930-е гг. Как и культура в целом, наука – феномен семиотический. За минувшие 100 лет мы создали в нашей гуманитарной «науке» свой язык, образцом которого был «Краткий

курс истории ВКП(б)». Школа – это ведь редуцированная классика (университетская), в том числе классика гуманитарная. А ее нет в российских университетах, исключая «ячейки» – редкие, дискретные. Так что школа использует редукцию от почти «ничего». Вывод: нам нужна программа восстановления гуманитарной науки, всех ее полей. Та же история отечества искажалась «венценосными» цензорами в течение двухсот лет до 1917 г. и уже тем более – после 1917 г. Русская литература была выведена из пространства ее внутренних, авторских смыслов, смыслов красоты, добра, нравственности, переживаний великих ее авторов в пространство идеологической борьбы и левацкого дискурса и продолжает пребывать в таковом на сегодняшних уроках. Она не гуманитарна, не гуманизирует, не посвящена душеобустройству.

Еще хуже дело обстоит с социальными (общественными) науками. В последние 20 лет на нас буквально «рухнул» вал (тысячи и тысячи) иностранных слов об экономике, политике, обществе, социуме: своих-то слов в глоссарии «Краткого курса» не оказалось. Школьнику эти тысячи слов сегодня предъявили для зубрежки и, как правило, вне связи с российской реальностью. Но среди людей взрослых (учителей, завучей) эти словари сегодня профессионально освоены весьма поверхностно: ведь «обществознанцев» у нас никто не выпускает, нет такого направления в вузовском образовании (и быть не может), так что это бывшие историки, географы и т.д. Если без лукавства, то нынешнее обществознание по своему перформансу – это поле, возделывание которого только-только началось.

Деятельностная парадигма не реализуема без приглашения в школу родителей для постоянного со-творчества. Их образовательное иждивенчество должно закончиться. И эта метаморфоза должна быть частью политики. Ведь почти вековая предшествующая политика была прямо противоположной – отнять ребенка у родителей и «лепить» из него «винтика» под неусыпным контролем школы и опекающих ее партийных и комсомольских комитетов. Школа и родитель

В истории России назревшие реформы всегда попадали в руки ее врагов.

должны стать единой педагогической силой – умной, чуткой и знающей.

Стандарт предписывает необходимость создания школе различных условий. В данном вопросе авторы стандарта находились под сильнейшим давлением властей, стремившихся не допустить конкретизации этого важнейшего принципа. Именно здесь должно сказать свое слово общество: новая парадигма требует иного материального содержания школы. Когорты будущих физиков сжимаются год от года как «шагреневая кожа»: нет оборудованных классов, нет глубокой и регулярной переподготовки учителей (сам наблюдал, как поставка произведенного в Германии комплекта «физического класса» потребовала затем почти 1,5 года для того, чтобы учитель сумел освоить его; но потом уровень подготовки по физике резко подскочил вверх). То же самое нужно сказать о классах химии, биологии, географии и т.д.

В целом данный проект стандарта замыслился (и это тоже инновация) как своего рода «общественный договор» между обществом и школой: общество формулирует свой заказ школе (набор требований к выпускнику), а в обмен школа получает от общества соответствующие условия для своего эффективного функционирования. То, что наши общество и государство не очень любят брать на себя четкие и регулярные *развивающие* (в соответствии с некоей политикой) обязательства в отношении образования, науки, культуры или здравоохранения, – это некий советский стереотип. Государство любит «одаривать» нас прибавками к зарплате в несколько процентов или короткими, не имеющими серьезных последствий проектами, а часто и просто риторикой. Между тем оно довольно точно подсчитало, что (и для чего) оно готово дать Министерству обороны до 2020 г. Пора бы так же относиться и к российскому человеку – ведь инвестиции в перечисленную выше «социалку» – это именно инвестиции в человека – те самые, которые в эпоху знаниевой экономики стали главными в затратах государств Запада, особенно затраты на образование и медицину, т.е. на интеллектуальное развитие своих граждан и на их здоровье.

Предметные же «страсти» не утихнут до тех пор, пока мы не начнем совершенно по-другому учитывать труд учителя. Он

пригнут к земле, ему некогда прочесть книжку. Советую руководителям страны, всем политикам почитать результаты ЕГЭ, полученные самими учителями, например, по всем школам Татарстана. Уверен, это чтение вызовет шок (скажем 37 баллов по химии у учителей химии !!!). Деятельностной школе нужен учитель – предметный эксперт. Нельзя быть экспертом, не читая, не участвуя ежегодно в десятках профессиональных «тусовок», не видя никогда после окончания вуза профессора из классического университета, не имея доступа к необходимой информации, не владея информтехнологиями на уровне мастера и т.д. Для освоения всего этого у учителя должно быть время, много времени. И дать ему это время сегодня нетрудно: мы попали в демографический разрыв, когда по классно-урочной системе есть излишек учителей. Эту систему как измеритель трудозатрат учителя нужно отменять.

Новый стандарт нуждается в серьезных дополнениях. Здесь не перечислены еще многие из них (например, инвестиции в будущую предметную область «Искусство»). Без этих дополнений стандарт будет «один в поле воин». И хотя в психологии здоровой нации один в поле действительно воин, серьезная политика в области образовательного стандарта без дополнений будет единичным мероприятием, оставив школу один на один с задачей сверхстратегического значения, сверхприоритетного значения. Ведь менять надо не школу, а общество, градуально, новыми поколениями, сформированными деятельностной школой, заменяя поколения «всеобуча». Тогда образовательная политика «Нашей новой школы» реально становится политикой создания новой экономики, новой России.

Стандарт группы А.М. Кондакова – это стандарт «Нашей новой школы», стандарт школы модернизированной России. Есть много охотников его убить, подменить стандартом РАО или «скрестить» со стандартом РАО (именно это странное решение приняла Общественная палата). Такая подмена или такое скрещивание – сто шагов назад в деле, важнее которого я лично не знаю. Жаль, если это все же случится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злобин Н. Национальность земли // Ведомости. 2011. № 31 (2797). С. 4.